

Хожу на охоту, пишу мои вирши...

Н. А. Некрасов

Владислав СЕРГЕЕВ

пос. Лисино-Корпус, Ленинградская обл.

Сергеев Владислав – родился в 1968 году в пос. Лисино-Корпус. В 1991 году закончил Лесной техникум. Работал в лесном хозяйстве мастером и лесничим. В настоящее время работает в геологоразведке Газпрома. Публикуется впервые.

Медвежий клык

Рассказ

– Володя, как слышишь? Приём! Володя, мы готовы, приём!

Рация зашипела, потом захрипела, и, наконец, радиоволна донесла до меня запыхавшийся Вовкин голос:

– Мы ещё не встали, ещё минут десять. Как понял? Приём.

– Понял, десять минут. Конец связи.

Я присел на ствол поваленной ветром вековой сосны. Можно немного отдохнуть и набраться сил перед очередным загонном.

Осень в этом году опять балует своим неожиданным и непривычным для северо-запада теплом. Природа, наверное, перепутала времена года, и с избытком разливает на нас потоки яркого солнечного света, будто извиняясь за свою летнюю скупость. Ноябрьский лес пуст и невзрачен, золотая осень, вслед за караванами гусей, унеслась вихрем листопада в прошлое, оставив массу положительных воспоминаний в душе каждого охотника. А белая сказочница зима всё никак не может, или не хочет, найти дорогу в эти потаённые леса, чтобы помочь нам прочесть зимнюю книгу зверей по их следам на белых страницах.

Чернотроп, наверное, самое сложное время для загонных охот. Никогда не угадаешь, был ли зверь в окладе, или опять впустую сотрясали воздух, распугивая своими криками близлежащие леса. В то же время охотник, вставая на номер, остаётся один на один с неизвестностью, со своими мечтами и опасениями о неожиданном звере и ответственном выстреле.

– Мы готовы. Как слышишь? Приём, – раздался Вовкин голос.

– Всё, начинаем. Конец связи.

Я встал с насиженного места, повернулся в сторону расставленных мною и потерянных из виду загонщиков и громко закричал. Мой голос эхом прокатился по уже почти заросшей многолетней вырубке, многократно усиливаясь от голосов присоединяющихся ко мне кричан. Сделал первый шаг, загон начался.

Мы уже минут сорок шли по лесному массиву достаточно ровной цепью, в надежде подтолкнуть невидимого зверя к необдуманному поступку, а именно, выходу на стрелковую линию. Голоса загонщиков становились всё менее и менее громкими, азарт начала загона постепенно угасал, не получая должного отклика от стрелков, которые упрямо молчали.

Я продвигался по уже много раз пройденному мною лесу, где всё было знакомо. Перепрыгнул ручеёк, с холодной, бурлящей водой, поднялся на пригорок, не переставая кричать, проскочил на одном дыхании небольшой участок ветровала и оказался на краю вырубки, с противоположной стороны которой метрах в ста-ста пятидесяти должна находиться стрелковая линия.

Опять пустышка, – не успел подумать я, как прямо напротив, прозвучал выстрел, а через секунду ещё, и ещё один. Голоса загонщиков сразу наполнились энергией и силой, они зазвенели в лесу с необыкновенной мощностью, получив необходимую инъекцию бодрости.

Я сделал всего несколько шагов и услышал, как в мою сторону, от стрелковой, движется не разбирая дороги зверь. Почему-то подумал, что скорее всего было несколько лосей, и те, кому посчастливилось, уходят из зоны обстрела.

– Иваныч, Иваныч, как слышишь, приём! – заголосил Володя по рации.

– Да, Вова, слышу. Как дела, ты стрелял? – в ответ спросил я.

– Иваныч, Иваныч, там, там медведь, медведь в твою сторону побежал! Я пару раз по нему приложился плотно, попал, точно попал! – голос Володи дрожал, но скорее не от страха, а от переживания за меня, ну, уж точно не за медведя.

Я отстранился от рации, слева, где-то совсем недалеко, снова послышался треск сучьев.

– Иваныч, что делать? – не унимался по рации Володя.

– Пока никуда не сходить, всем стоять! – ответил я.

Треск слева прекратился, я постоял ещё несколько минут, вслушиваясь в пространство, пытаюсь уловить мельчайшие звуки, хоть что-то бы, что выдавало место нахождения зверя: шорох, стон или дыхание. Но тщетно, всё вокруг было одинаково безмолвным, лишь где-то вдали продолжал кричать одинокий, оставшийся загонщик.

Я снял карабин с предохранителя и вошёл в лес. «Что ж, добирать всё равно мне», – промелькнула, как теперь понимаю, опрометчивая мысль. Иногда эти мелькающие на долю секунды идеи нужно игнорировать, чтобы впоследствии не сожалеть.

Осинник был достаточно чистым, не захламлившимся, видимость приличной, поэтому двигался уверенно, пытаюсь найти хоть какие-то следы присутствия зверя, но всё оказалось тщетно.

Спустя минут десять мы уже стояли с Вовкой на его номере, и я слушал повествование – о том, откуда зверь появился, и куда, и как он стрелял. Посмотрели место первого падения медведя. По рассказу, а главное, по обилию крови, стало понятно, что ранение серьёзное. По цепочке передали, чтобы все оставались на своих местах, и, дабы не пугать охотников, пустили «пулю», что подранен кабан, ведь нервы не у всех одинаково крепкие.

Добор медведя без собаки сродни игре в «русскую рулетку». У бурого шансов выйти победителем в таком поединке немногим меньше, чем у человека. Поэтому мы дождались Лёшу, молодого и пока ещё малоопытного охотника, ходившего вместе с нами и натаскивавшего в загонах свою молодую сучку западносибирской лайки, одного году от роду.

Поведение собаки, впервые шедшей по кровавому следу медведя, было нервным. Она то бросалась вперёд, повинаясь своим инстинктам, то бежала обратно, поджав хвост, не в силах совладать перед страхом и ужасом, наполнявшим её маленькое сердце только от одного запаха хозяина тайги. Алексею приходилось постоянно подталкивать её к поиску: «Давай! Давай! Ищи!».

Кровавый след был хорошо заметен – кровь обильно пролилась из тяжёлой раны медведя на опавшую листву и ветви кустарников. Кое-где попадались кусочки жёлтого жира, растянутого на ветках, что ещё раз подтверждало серьёзность ранения.

И вот собака, которая до этого шла молча, сначала зарычала, а потом и залаяла своим звонким юношеским голосом, шерсть на загривке вздыбилась, а зубы оголились в угрожающем оскале.

Перед нами, метрах в восьми, обросшая со всех сторон еловым подростом, лежала поваленная ветром, уже давно высохшая ель, обнажившая во все стороны свои корявые ветви. Собака лаяла именно туда, предупреждая нас о грозившей смертельной опасности. Эта небольшая еловая куртинка не просматривалась насквозь. Я встал на колени, чтобы попытаться разглядеть хоть что-то снизу, как вдруг!

Бросок медведя был молниеносным. Какая великая мощь, какая решимость и отвага была в этой атаке! Собрав все оставшиеся силы, он кинулся в бой. Его маленькие чёрные глаза пылали ненавистью к нам, людям, пришедшим из другого мира, в его царство, его владения, где он всегда был и будет хозяином. Он бросился на нас с одной единственной целью: убить непрошенных гостей, разорвать, растерзать их, и снова жить, наслаждаясь своим величием. Он и представить себе не мог, что кто-то может посягнуть на его трон, на его иерархическое место в природе, и тем более тот, кто ходит на двух ногах. Бурый вставал на две лапы только для того, чтобы показать свою великую силу, напугать противника. Эти же, всегда ходили так, они всегда, по мнению медведя, были агрессивны и недружелюбны, и так же, всегда, трусливы.

В чём-то медведь был прав, мы живём в своём мире потребления и наслаждаемся его благами, вкушаем яства и смакуем дорогие вина, пьём не вдыхавшие много лет воздуха коньяки и обольщаем прекрасных женщин, но нам становится этого катастрофически мало. Нам негде получать драйв в современном мире, многое, что пробуждает в нас адреналин очень опасно, и за это можно поплатиться своей головой, и мы боимся, до ужаса, до дрожи в коленках, до судорожных приступов истерической паники.

Но в этот раз медведь ошибся.

Я вскинулся почти так же быстро, как бурый бросился в атаку. Его огромная голова была единственной моей целью, ни ног, ни туловища, ничего другого не было видно, только раскрытая пасть, с блестящими на солнце клыками.

Первый выстрел не произвёл никакого эффекта на медведя, хотя я подсознательно ждал, что он свалится на землю и зайдётся в агонии, будучи поверженным.

В ту же секунду за спиной прозвучали ещё два слившихся воедино выстрела. Володя и Алексей тоже пытались остановить силой своих ружей дикую агрессию, которая неслась на нас.

Мой второй выстрел, как, впрочем, и выстрелы стоявших за спиной и невидимых мною товарищей, не нанёс никаких серьёзных повреждений зверю. Медведь приближался ко мне всё так же мощно и молниеносно.

Затвор моего браунинга, получив импульс от газоотводного механизма, в третий раз начал движение назад, чтобы подцепить стрелянную гильзу и выкинуть её как отработанный материал. Сейчас он дойдёт до крайнего заднего положения и начнёт движение вперёд, подхватив на своём пути новый патрон, который через мгновение займёт своё место в тугом патроннике.

За спиной прозвучало крепкое матерное слово, а вслед за ним послышались шаги убегающих людей. Я понял, что остался в эту секунду один на один с медведем, расстояние до которого было уже метра три.

Человеческая мысль – это самый быстрый локомотив в мире, за долю секунды в голове пролетают сотни вариантов действия и находятся десятки возможных решений, из которых ты сам выбираешь одно. Верное оно или нет, ты узнаешь или не узнаешь потом.

Нажимая на спуск третий раз, я всё ещё надеялся, что хозяин тайги, вот-вот рухнет к моим ногам, сражённый смертельным попаданием, и всё, всё сразу закончится: и эта сумасшедшая агрессия дикого зверя, усиленная многократно нашими попаданиями, и эта паника, и стрельба, и бешенный выброс адреналина, как стремительный водопад, заливающий всё на своём пути, и разум, и сознание, и страх.

Но медведь не упал. Он так же продолжал своё стремительное движение на меня. Делать четвёртый выстрел было уже смертельно опасно, если и он не возымеет никакого действия, то бурый будет уже на мне.

Я, позабыв о своих болячках и травмах, как в молодости, резко, насколько позволяют человеческие возможности, отпрыгнул в сторону, чудом избежав контакта с правой лапой медведя, его мощные когти прошли буквально, в миллиметрах от моего живота. Хозяин тайги среагировал на мой прыжок молниеносно, развернувшись и пытаясь схватить меня за ногу своими мощными клыками. Ему не хватило сантиметров десяти, чтобы отомстить за свои муки и страдания хотя бы одному обидчику. Десять сантиметров отделяло меня от серьёзных неприятностей, возможно, с тяжёлыми последствиями. Десять сантиметров, как это много было в ту секунду для уже теряющего свою силу и мощь медведя, и как мало для меня, пытавшегося ускользнуть от его дикой силы.

Я сделал три-четыре прыжка в сторону, ни на секунду не выпуская оппонента из виду. Наши выстрелы и попадания, всё же хоть и не сразу, но возымели действие. Его сил хватило только на эту отчаянную атаку, с каждым прыжком, с каждым шагом он становился всё медленнее и медленнее.

Я развернулся и вскинулся, чтобы закончить, теперь уже точно закончить эту охоту. И в это время прозвучал выстрел: Вовка, вернувшийся на поле битвы после, как потом выяснилось, перекоса гильзы, нанёс зверю ещё одно смертельное ранение. Медведь перевалился через дерево, лежавшее на его пути, перевернулся через спину, снова встал и был сражён окончательно выстрелом из моего браунинга.

Всё закончилось. Навалилось какое-то бесконечное опустошение, давившее всей своей невидимой силой на моё подсознание. Я стоял держа «на мушке» бездыханное тело зверя, прокручивая в голове всё то, что произошло с самого начала. Как же долго происходило всё это действо. С первого и до крайнего выстрела, наверное, секунд семь, может, десять, не больше.

Минут через пять пришёл Алексей, явно испытывавший проблемы с самообладанием. Он, ещё мало чего повидавший в своей охотничьей жизни, стрелял не вскидываясь, прямо от пупа, нанеся, как потом оказалось, два не смертельных ранения сосне, растущей рядом. Вовкины первые выстрелы тоже растворились в неизвестности, не принеся никакого вреда медведю.

Я не смог найти одну из своих пуль, запустив её куда-то в тёмный лес. Две другие же оставили свои следы: первая в виде шрама, сантиметров двенадцать, на лбу медведя, срикошетив от толстой лобной кости зверя – сказался угол стрельбы, снизу в верх, а вторая попала в рот, раздробив зубы нижней челюсти слева.

Собака, так нам помогшая, пришла последней. Ей явно, как и хозяину, не хватало смелости, чтобы просто подойти к бездыханному медведю. Алексей всё дразнил её и дразнил, пытаясь разжечь страсть и агрессию, но она была безучастной. Страх перед великим зверем был сильнее.

Осенний день постепенно угасал, пряча свои краски в вечернем сумраке багряного заката, предвестнике скорых северных ветров, несущих на своих плечах безмолвие грядущей зимы. Снегопады скоро закружат свои бесконечные карусели, навсегда заметая следы наших неравных сражений с природой, в которых мы зачастую оказываемся победителями. И, скрывая белым покрывалом, ранения наших душ в этих беспощадных боях...

Дмитрий ПОБЕДИНСКИЙ

д. Крутец, Устюженский район, Вологодская обл.

В прошлом – инженер-программист, страстный охотник. Ныне – хозяин гостевого дома на Вологодчине, охотник-натуралист. Автор рассказов о природе и охоте. Публиковался в журналах «Охота», «Русский охотничий журнал», «Северо-Муйские огни».

Подарочек

Рассказ

Если долго ходишь по моховому болоту, мягко пружинящему под ногами, то первый же шаг на твёрдую почву отдаётся в стопу, словно удар. Так и идёшь потом какое-то время, отчётливо ощущая каждый шаг, то и дело недоуменно поглядывая под ноги. Неудивительно, что ноги быстрее устают в городе, где приходится ходить по асфальту. Здесь же, в лесу – красота: то моховое клюквенное болото, мягонькое, как перинка, то бор-беломошник, где ноги ступают по чуть пружинистому ковру из опавшей хвои, веточек и ягеля. Да и для голеностопа такая ходьба исключительно полезна – сплошная гимнастика: то вверх по склону селги, то вниз, то по каменистой россыпи. Знай себе – шагай, да не забывая под ноги поглядывать, чтобы вывих не получить ненароком.

Вот мы с женой и шагали неспешно, «отмахав» за день никак не менее двадцати километров. Так иногда случается – выйдешь из избы с намерением разведать: «а что там интересного за приметной ламбушкой, которую мы в позапрошлом году для себя открыли?» – да и опомнишься совсем под вечер, когда солнце к горизонту спускаться начнёт. Ноги гудят, в животе урчит от голода, места вокруг и вовсе незнакомые. Достаём карту, навигатор, определяемся. Вот так-так! Надо же, куда забрели...

А ведь как всё просто да гладко получилось: дошли до ламбушки, посмотрели лесочек на её дальнем берегу. Там – глядь: сельгушка хорошенькая, поросшая светлым, чистым бором. Шагается по ней – как по проспекту. Закончилась сельгушка – там болотце крохотное, потом – лесок с целым выводком рябчиков. Понятное дело – парочку петушков надо в рюкзак положить. Только решили обратно поворачивать – наткнулись на остаток старой лесовозной дороги. Надо же посмотреть – куда она ведёт? А она ведёт-ведёт, да и растворяется незаметно в лесной поросли. А там – ручеек говорливый, журчит-торопится, а вода в нём вкуснейшая. Ну как вдоль него не пройти?

Так, маня то одним, то другим, уводит нас лес всё дальше и дальше от избы. Мы это называем «лесной дедушко поманил», не иначе – какой-то сюрприз нам готовит, подарочек хочет сделать. Главное – не сопротивляться, идти, куда зовут, да смотреть в оба, чтобы не прозевать, чтобы суметь разглядеть свой подарок. Что это будет – никогда не знаешь заранее. Это может оказаться и потрясающий брусничник, словно залитый ровным слоем сочных, чуть терпких пунцово-красных ягод, и парочка молодых тетеревов из выводка, неожиданно выпорхнувших чуть ли не из-под самых ног и усевшихся аккуратно под выстрел, и бобровая запруда на лесной речке, в которой что ни заброс блесны – так крупный, тёмный окунь-горбач. Одним словом, горазд лесной дедушко на выдумки, никогда не повторяется, всегда припасает для нас что-нибудь новое, неожиданное.

Однако сегодня мы забрели что-то очень уж далеко. Было совершенно ясно, что до темноты вернуться в избу совершенно невозможно. Значит, надо будет переночевать в лесу и уже завтра отправиться в обратный путь. Вечер тёплый, небо ясное, котелок, чай и парочка рябчиков на похлёбку у нас есть, вода – вот она, рядышком совсем, а уж превосходных сухих дров вокруг – сколько душе угодно. Переночуем с комфортом, не впервой! Пока же мы расположились на склоне селги, под старой суковатой сосной, чтобы вытянуть усталые ноги, немного передохнуть и оглядеться.

Мы находились в самом сердце обширной болотной страны, представляющей собой сплошной лабиринт из заболоченных низин и покрытых лесом возвышенностей, селг и островов, простирающихся на десятки километров. Селгушка, на склоне которой мы так уютно устроились, поднималась из болота довольно крутым склоном, обильно поросшим брусникой. Пока Иришка млела, прислонившись спиной к стволу сосны и подставив лицо последним лучам уходящего за горизонт вечернего солнышка, я прилёг рядом и неспешно лакомился брусникой.

Истома тихого осеннего вечера охватила нас своим мягким покровом. Первым осенним золотом ласкали глаз берёзки, где-то в отдалении посвистывал рябчик, ароматы болота и леса – багульника, торфа, смолы, хвои – растворённые в воздухе, словно сгустились, стали отчётливее, глубже. Я залюбовался спокойным, умиротворённым лицом жены.

Внезапно глаза её расширились, она словно вздрогнула, чуть подалась вперёд. Для неё, обычно такой спокойной и невозмутимой, такое поведение означает искреннее удивление. Там, за моей спиной, явно происходило что-то из ряда вон выходящее.

Стараясь не шуметь и не делать резких движений, я потихоньку повернулся. То, что я увидел, заставило сильно забиться сердце, меня словно бросило в жар. Совсем близко – всего в каких-то сорока-пятидесяти метрах от нас – по болоту неспешно шёл громадный, увенчанный роскошной короной раскидистых рогов, лось.

Неспешно, основательно переставляя высоченные ноги, сохатый неторопливо продвигался вперёд, чуть поводя головой и шевеля ушами. Мощный, мускулистый, мосластый, весь какой-то тугой, крепкий, бык казался олицетворением могучей, неукротимой силы.

Мы с женой оба замерли, стараясь сдерживать дыхание, не издавая ни звука. Моя рука потянулась было к лежавшему рядом карабину, но, едва положив ладонь на шейку приклада, я замер – да так и оставил карабин лежать на месте, продолжая наслаждаться этим редкостным зрелищем.

Внезапно, пройдя ещё немного вперёд, лось на мгновение остановился и повернул голову в нашу сторону. Было видно, как он втягивает воздух – видимо, он уловил наш запах, «дотёкший» до него несмотря на то, что еле заметный, но удачный для нас по направлению ветерок должен был сносить его в сторону. Скользя по нам взглядом, лось мгновенно напряжился, резким движением повернулся и, ускоряя ход, зашагал к противоположному краю болота. Мы провожали его взглядом, пока он не скрылся в окаймлявшем болото лесу и лишь тогда переглянулись.

Ночью мы долго сидели у костра, лакомлись похлёбкой из рябчиков, пили чай и обсуждали случившееся. Конечно же, можно было бы стрелять – выстрел с такого расстояния был бы, что называется, наверняка. Но вынести мясо из этой глуши было бы практически невозможно, пришлось бы бросать его здесь, а это казалось совсем уж нечестным по отношению к такому красивому, сильному зверю.

Утром, напившись чаю, мы отправились в обратную дорогу. Не успели мы отойти и двадцати шагов от места ночлега, как жена, шагавшая впереди, остановилась и с радостной улыбкой посмотрела на меня.

– Так вот оно в чём дело! – протянула она задумчиво.

Я перевёл взгляд ей под ноги и точно так же радостно улыбнулся: на крошечном моховом пятачке стояли тесной кучкой сразу шесть штук очаровательных белых грибов – крепеньких, с бархатистыми коричневыми шляпками и пузатыми ножками. Эдакие бутузы! Я готов был поклясться, что ещё вчера, проходя мимо, ничего здесь не видел. Мы наклонились и аккуратно срезали красавцев – грибы были чистейшими: ни единой червоточки.

Уложив нашу неожиданную находку в рюкзак, мы пошагали дальше. Напоследок я оглянулся. Это мне только показалось или и впрямь за кустом можжевельника блеснул лукавый глаз хитро улыбающегося замшелого старичка?

Но рукой на прощание я всё-таки помахал...

Виктор ШМЕЛЕВ

г. Нижний Новгород

Виктор Александрович Шмелев родился 8 мая 1985 года в г. Горький (ныне Нижний Новгород). В 2008 году закончил юридический факультет Нижегородского коммерческого института, поступил на службу в ФССП по Нижегородской области, где проработал 6,5 лет. В настоящее время работает юристом в коммерческом банке. Увлечения охотой и литературой не проходят бесследно, выливаясь в рассказы, посвящённые темам охоты, взаимоотношений человека с ружьём и природы. Первые публикации состоялись в международной литературно-публицистической газете «Интеллигент. Магадан» и журнале «Северо-Муйские огни».

Рассвет и закат

Рассказ

Закат осени выдался тёплым. По низкому небу, угрюмо нахмутив серые лбы, без устали ползли тучи. Налетал время от времени ветер, приводя с собою, словно на поводке, мелкую сыпь дождя. Привязывал её к верхушке облетевшего тополя, над самой деревней, а сам – раскачивался на голых ветвях деревьев, играл на трубах изб. Заскучав на одном месте, подхватывал невидимую упряжку и уносился с моросью куда-то дальше. Берёзки, словно перевёрнутые метёлки, застыли коричневым помелом в небо. Дворник-ноябрь рапортовал о готовности к встрече зимы. Будто докладывал, что золотое покрывало уже убрано в сундук до следующего года и природа ждёт пышного белого одеяла, готовая погрузиться в сон. Что протянул гусиный клин в теплые края, прогоготав ему, полузимнику, что пора уже отпирать ворота снегу.

Словно в подтверждение звякнул грудень¹ ключами, чуть приоткрывая створки, и в ночь подморозило. Успокоился ветер, раскинув заблестевшее звёздами небо, поседела инеем прильнувшая к земле трава. Застигнутые врасплох, окаменели ещё вчера раскисшие дороги, звонко разнося каждый шаг в морозной тишине наступающего утра. Темнота ещё окутывала спящую деревню. Много в ней домов, но не наберётся и десятка, окна которых озарятся светом. С каждым годом всё меньше остается тех, кто прожил здесь всю жизнь и теперь коротает век. Деревня пустеет.

Так я и прошагал мимо сонных и пустых изб, лишь под аккомпанемент гулких шагов. Туда, за околицу, где верно зарастало березняком поле. И где также поседел за ночь мой шалаш. Длинные жерди, приготовленные загодя, подняли к самой макушке берёзы чучела тетеревов. Именно охоте на косачей, облюбовавшим это место, и решено было посвятить день. Словно соткавшись из сумерек, бесшумной тенью широко раскинув крылья, закурился над чучелами внезапно возникший совиный силуэт. Разглядев меня, испуганно шарахнулся в сторону, растворяясь в темноте.

Удачливость этой охоты во многом зависит от правильно выбранного места, от аккуратности охотника при высадке чучел, маскировке и требует терпенья. Неизвестно сколько придётся просидеть на одном месте, поджидая, когда тетерева, обманутые спокойной позой чучел, подсядут на свободные ветки. Оглядев своих тряпичных напарников по охоте, я забрался в укрытие. Всё, теперь только ждать. Опустился полог маскировочной сетки, закрывая вход, плавно потекли минуты ожидания, а за узким окошком шалаша утро меняло ночь.

Разливаются белила по небосводу, испаряется темнота, пропадают звёзды, и лишь блин луны упрямо смотрит в укрытую шалашом спину. Впереди, посыпанное известкой инеем, широко раскинулось поле. Давно уже не желтеют на нём сжатые снопы, давно не созревают озимые. На смену человеку безмолвным сеятелем встает березняк, постепенно прибирая к своим рукам брошенное хозяйство. На высоком холме, у самого горизонта, там, где расположилось соседнее село, плавающая в морозной дымке, едва виднеются купола церкви. Вот на одной маковке вспыхнула искра, переметнулась на другую, сверкнула, разжигая третью. И разбежалась вдруг в разные стороны, тонкой красной линией подчеркивая горизонт. За окном шалаша, прямо на глазах, рождался новый день.

Показался из-за блестящих куполов круглый бок налитого, будто спелое яблоко, солнца. Величаво, с достоинством пробуждается светило, в висевшей изморози горит красным, но не слепит, словно позволяя собой полюбоваться. И я смотрю, словно зачарованный, смотрю, как начинается день. «Так вот почему тебя называют красным», – приходит вдруг мысль.

Ни на минуту не останавливается круг, всё дальше протягивая лучи, мне хорошо видно его неспешное движение. Красный шар поднимается всё выше и в какой-то момент, вынырнув из полыни холодного марева, словно умывшись ледяной водой, стряхивает последние брызги, засияв золотым. И всё вокруг преображается. Рассыпавшаяся седина обернулась вдруг мириадами хрусталиков. Иней, словно искусный и трудолюбивый гравировщик, украсил и заставил засверкать каждую травинку, каждую ветку. Не хмурится сегодня небо тоскливыми тучами, чистое, синее полотно растянуто от края до края. Исчезла луна, не смотрит больше в спину. Вот и уже в окно шалаша заглянул поздороваться яркий луч, заставив зажмуриться. Родился новый день, набирает теперь силу, заливая светом всё вокруг.

Откуда-то издалека донеслось вдруг неуверенное воркованье. Обманутый светлым ноябрьским днём, завёл было свою песню тетерев. Вот послышался и робкий ответ. Но не завязалась мелодия, не весенним теплом светит солнце, и вновь всё стихло.

Чуть покачиваются на своих местах чучела, темнеют тряпичными боками. Всё также неспешно текут минуты. Спокойная эта охота, созерцательная. Природа живёт своей жизнью, не замечая спрятавшегося в тесном укрытии человека. Вот, весело перекикиваясь тонкими голосами, пролетела

¹ Грудень – старославянское название ноября.

стая мелкий птах, не успел даже рассмотреть. Тяжело прохлопав крыльями, гулко и сурово о чём-то своём каркнул ворон. А вот что-то серое замелькало среди травы и совсем недалеко от шалаша на ровное место грациозно вышли косули. Остановились, крутя головами и, вдруг чего-то испугавшись, припустили дальше, смешно сверкая белыми пятнами хвостов. Ружьё мирно лежит на своём месте, а я тянусь за фотоаппаратом. Но куда там, косуль уже и след простыл. Долетел из деревни крик петуха, глухо простучал топор, брякнула цепь на вертушке колодца. Хорошо слышно и округу в морозном воздухе.

Ярко горит солнце, как-то незаметно взобравшееся на самый верх, радуется светом, золотыми лучами выгоняя тоску с полей, но морозец всё же напоминает о глубокой осени, заставляя поплотнее укутаться в тёплый бушлат. Прилета тетеревов тем утром я так и не дождался, не составили «краснобровые» компанию своим набивным собратиям. С удовольствием потягиваясь, я выбрался из шалаша и, оставляя на сапогах сбитый иней, пошагал в сторону дома. Расстройства из-за неудачной охоты нет, впереди есть ещё несколько суток, и время посидеть в шалаше или поменять место остаётся. В груди приятным осадком остаётся ощущение, что я вновь стал свидетелем какого-то таинства. Сколько я видел рассветов? Не сосчитать, и каждый яркое по-своему, каждый оставляет что-то своё. Это не город, где такое действие часто проходит мимо тебя. Рассвет там прячется за стенами многоэтажек, и ты просто видишь, как небо светлеет, в какой-то момент превращаясь в день. Восходу не хватает простора показать себя, а тебе времени увидеть – спешка, работа, обыденность. Здесь же рассвету есть где разгуляться, а у меня есть время смотреть.

После длительных охотничьих прогулок, надышавшись природой, приятно устроиться дома в кресле, взять в руки книгу, прихлебывая горячий чай. Наслаждаясь каждым мигот, который проводишь вдали от большого города.

Но коротки осенние дни. Не успеешь оглянуться, как солнце уже покачивается на другой стороне коромысла, расплещивая последние капли. Не зря зовут ноябрь сумерками года. Вот и уже первые вестники ночи серыми волками рыщут по улице, съедая крупы света. Совсем скоро вступит в свои права долгая осенняя ночь. Но прощальным маршем уходящего дня на небе грянул закат. Он словно позвал, без слов, молча опустившись на подоконник.

Зашелестев страницами, осталась ждать в кресле раскрытая книга, а я вышел на улицу. Пропустить то, что происходило сейчас там, было бы преступно.

Тихо подкравшись, закат поджёл горизонт, и тот запылал оранжевым костром, заливая небосвод мягким светом. Багровые языки пламени, поднимаясь ввысь, бросали розовые сполохи зарева, постепенно тускнели, оставляя полоску синего неба, и рассеивались под самым куполом – туда не долетали даже искры. А я просто замер, потрясённый происходящим чудом. Закат отражался в окнах изб, играя бликами живого огня. И казалось, что каждое оконце светится изнутри, словно в каждом доме вновь горит свет, словно каждый дом вновь жилой. Как будто вновь зажила вся деревня. Казалось, даже сами деревянные избы улыбнулись в его свете. И так тихая, деревня вовсе притаилась, боясь неосторожным звуком спугнуть закатное волшебство. Понимает, что недолго продлятся чары. Но пока горят на небе строки заклинания, затаилось всё вокруг, потрясённое завораживающим действием. Тишина на улице, молчит природа, очарована и она. Сумерки, загустев на земле разлитыми чернилами, лишь подчёркивают красоту льющегося сверху света. Даже вечно спешащее время, пробегающее мимо, останавливается окунуться в закате. На миг больше позволяя насладиться спокойными красками вечера.

Долго можно смотреть на эту картину, слушать тишину, видеть в окнах огоньки, но время, словно опомнившись, продолжает свой бег, бросив на прощанье: «Извини, больше ждать не могу». Стремительно уменьшается оранжевая полоска неба, вновь, как и утром, превращаясь в тонкую линию, только теперь подводя черту уходящего дня. Всё дальше протягивает руки тьма, и отчего-то становится грустно.

Выключается в окнах свет – наверное, хозяева просто ложатся спать? Наивно, но волшебство не хочется отпускать от себя. А горизонт уже дотлевающий раскалёнными углями, темнеют коробочки изб, и деревня вновь пустеет. Опять смотрит в спину луна, подмигивая глазом, мол, здоровались уже сегодня утром.

А ведь и вправду. Мне снова довелось встречать начало дня, его рождение, видеть его краски и золотой свет. И эпилогом увидеть, как этот день сгорает в завораживающем огне, на короткий, но ставший таким дорогим миг, словно оживившим деревню. Не чудо ли это? Кто-то с уверенностью ответит – нет. Ведь оно простое и многими просто не замечаемое. Но отчего-то эта простота бывает так близка тому, чья душа согревается, посидев у горящего закатом камина, тому, чья душа умеет задержать в себе каплю волшебства. Тогда оно не уходит, навсегда оставаясь с тобой.

Гаснет последняя искра, и долгая ноябрьская ночь входит в свои владения. Округа вновь окутывается темнотой, и я, словно очнувшись, возвращаюсь в дом, унося в себе отблеск ушедшего дня.

Ну а что же охота? Ей я в очередной раз остался благодарен. За возможность видеть и наслаждаться той красотой природы, которую увидит не каждый. А тетерева подлетели к чучелам на следующий, опять нахмурившийся тучами день, и один из косачей остался в их компании.

Закат осени выдался тёплым.

22.11.2019 – 29.02.2020

Иван ЦУПРИКОВ

г. Югорск, Ханты-Мансийский автономный округ

Иван Валентинович Цуприков родился 27 августа 1962 года в Крыму. В 1984 году получил диплом военного журналиста. Учился в Львовском высшем военно-политическом училище. В 1984 году работал военкором в десантной дивизии, расположенной в Литве. В 1985 году был направлен в Афганистан начальником группы пропаганды и агитации 103 воздушно-десантной дивизии. Награжден орденом «Красной звезды», два раза представлялся к медалям «За отвагу», один раз – «За боевые заслуги». Был тяжело ранен.

Литературой увлекается с детства. Рассказы, юморески, эссе, публиковались в областных и районных газетах, в журналах. В 2007 году в московском издательстве «Газоил пресс» вышел детектив «Заказ (Афера)», в 2008 году – роман «История Кошких Навей: агония демона» и сборник рассказов «Лых-хо», позже – романы «В поисках палача», «Под крылом Черного ворона», трилогия «В маске Черного Файзуллы», детектив «Тень уходит последней», сборник рассказов «Укус Черной вдовы».

В издательстве «ЭКСМО» под рубрикой «Спецназ, офицеры» вышла книга «В волчьей шкуре». 4 книги вышли в Канаде, одна в Германии. С 2008 года состоит в Союзе писателей России. Основные темы произведений – военная проза (Афганистан), детектив, рыбалка и охота, публицистика о газовиках, фольклорные стилизации. В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

В засаде

Рассказ

Рука затекла. Пытаюсь развести пальцы пошире, потом их сомкнуть. Раз-два, раз-два, раз-два, – вроде отошли, но теперь, как и ожидал, тысячи иголок под кожей впились в ладонь, в руку, по самый локоть. Только бы в эту минуту он не появился, а то не готов в эти секунды сделать всё быстро, как нужно: прицелиться, навести резкость и нажать на... Да, тогда всё моё ожидание пойдёт на нет.

Затекла и правая нога. Сколько я уже здесь лежу? Смотрю на циферблат часов: о-о, без одной минуты целых полтора часа.

Когда же он появится? Может, через десять минут, может, через двадцать, а если через час? Интересно, выдержу или нет? Хоть бы только всё это выдержать и с ума не сойти. Ну, где же он? Где?

Аккуратненько смещаю тяжесть своего тела на левую сторону. Вот так. Только бы не смазать. Ещё раз заглядываю вперёд, отрываю с ветки пару листочков, которые тоже мне могут помешать.

Так, так, перекидываю ружьё в другую руку, а правую тяну назад. Фу, и чего я раньше так не сделал. Потряс рукой, ещё раз, теперь можно её потянуть вперёд. Во-от так, и всё нормально.

Стоп! Что это? Ветерок балуется с ветками берёзки, или это он шелестит, приближаясь по своей тропке ко мне?

Нет, это, кажется, из-за ветра поднялся шум в лесу, листья на берёзе уже жухлые, ветки подсохли и, когда трутся друг о дружку, скрипят.

А нет. Это он, скорее всего он. Точно, точно.

Тихонечко, в такт его шага, переваливаюсь на правую сторону и замираю. Нет, он не услышал. Хотя, кто его знает, вон как напрягся и всматривается по сторонам. Хоть бы не увидел меня. Хоть бы не увидел. Ля-ля-ля.

Нет, вроде всё нормально, вот он сделал шаг ближе ко мне. Интересно, уже можно нажимать на курок, или ещё рано?

Всматриваюсь в окуляр и понимаю, что делать это ещё рано, так как его мордочка ещё скрыта ветками.

Ну, сколько ещё можно стоять там, сколько?

Ага, наконец-то он сделал ещё один шаг, второй и весь открылся передо мной. Но нажимать на курок ещё рано, он ещё далеко находится от меня. Ну, сделай ещё хотя бы пять-шесть шагов ко мне. Вот так, вот молодец!

Прицеливаюсь. Красавец! Оленёнок опускает свою голову ко мху и передними губками обрывает на его веточках мелкую листву. А вот за ним, наконец, и сама оленуха появилась. Вот если бы сделала хоть полшага вперёд, тогда всё здорово получится, классный дуплет получится!

Прицеливаюсь, рука начинает дрожать. Этого ещё не хватало, блин, такая редкая встреча! И что я потом лесничему скажу? Ой, извините, видел, но не смог взять.

Ага, вот и она делает шаг вперёд и стоит рядом со своим оленёнком. Всё, времени нет. Быстро выбираю резкость, на это уходят десятки доли секунды, и нажимаю на курок.

Вспышка, вторая, третья, а оленёнок со своей матерью успел только сделать несколько испуганных шажков и замер, как и мать. Вот это редкость, и делаю очередную серию снимков. И в этот-то момент подо мной хрустнула сухая веточка (откуда она ж только взялась!), и пара оленей скрывается в кустарнике.

– Ну что, получилось? – кричит с дерева лесничий.

– Сейчас посмотрю, – отвечаю ему и, включая просмотрщик фоторужья, оцениваю фотографии. – Здорово! – кричу леснику. – Одна серия получилась большим планом, а вторая дальним, почти видеосъёмка, как они движутся к кустарнику и оглядываются по сторонам.

Вот это здорово, когда всё получается с первого раза! Завтра бы ещё на косачей такую охоту устроить. Самое время их осеннего тока.